
Введение

Феномены и понятия гражданского общества, гражданства, гражданственности, гражданина, рассматриваемые разными социальными науками по отдельности, а потому представляющие в качестве обособленных явлений, внутренне связаны между собой. Стержнем этого комплекса явлений, как и ключом к их познанию, по нашему мнению, является феномен гражданина. Этимологическая связь данных явлений, как бы забытая в результате специализации социального знания, отнюдь не курьез истории культуры и не признак эрудиции того или иного автора, но повод для более глубокого выяснения их многоаспектной связи. Исследование проблемы исторического становления феномена гражданина, по нашему убеждению, открывает возможности теоретического решения целого комплекса взаимосвязанных проблем.

На первый взгляд феномен гражданина представляется чем-то самоочевидным. Политико-правовой статус гражданина зафиксирован законодательно, описан в учебниках и словарях. Однако стоит задаться вопросом о реализации конституционных прав гражданина, как оказывается, что юридического аспекта рассмотрения феномена недостаточно. В процессе исследования обнаруживается богатство и многообразие оснований этого явления – экономических, социальных, культурных, без каждого из которых его возникновение и существование оказывается под вопросом. Ощущение самоочевидности феномена вообще пропадает при столкновении с теми парадоксами и противоречиями, на которых он держится. Гражданин – это феномен, порождаемый институциональной структурой общества или основанием его бытия является культура? Гражданская ментальность есть производная институтов или культуры гражданского общества и правового государства? Но не являются ли «институты» и «культура» результатом деятельности субъектов, обладающих определенным типом ментальности? Второй парадокс касается временного характера феномена гражданина: исторически устойчивое это явление или изменчивое? Третий связан с сочетанием пространственных и временных его характеристик: гражданин – это универсальное явление или локальное?

Фан И.Б. От героя до статиста

Само противопоставление признаков («или – или») по ходу размышлений представилось нам неконструктивным, превращающим феномен гражданина в «ускользающую натуру». Попытка схватить столь сложное и многоуровневое явление с помощью преобладающих в литературе подходов не увенчалась успехом и потребовала выработки иных теоретико-методологических средств познания. Для упорядочения возможных аспектов рассмотрения мы представили предмет анализа в виде трех бинарных оппозиций. Оппозиции социального и культурного, устойчивого и динамичного, универсального и локального, по нашему мнению, создают то поле напряженного взаимодействия полюсов, в котором гражданин предстает в качестве живого, динамичного, исторически и культурно определенного явления. Разворачивание центральной для данного исследования оппозиции *устойчивое – изменчивое* в западноевропейской истории наиболее непосредственно связано с проблемой становления гражданина.

Практическая актуальность проблемы становления гражданина обнаруживается как на глобальном, так и на межгосударственном и внутригосударственном уровнях. Среди множества следствий, порождаемых процессами глобализации, особую значимость приобретает трансформация властно-политических систем в современном мире. С вызовами сталкиваются все существующие политические системы и институты, в том числе национальные государства и институт национального гражданства. Широко обсуждается появление наднациональных форм членства в политических общностях, таких как «транснациональное», «глобальное», «электронное», «космополитическое», «корпоративное» и другие виды гражданства. Обратной стороной глобализации гражданства становится процесс его дифференциации внутри государств, связанный с распространением культурного партикуляризма («мультикультурализма», «плюрализма идентичностей»), требующего реализации прав граждан в соответствии с принципами культурной идентичности меньшинств. Национальному государству в «постполитическом мире» вновь требуется нормативное самоопределение, поскольку транснациональные предприятия, становящиеся моделью этого мира, вырываются из-под прежних форм политического контроля со стороны национальных государств. Гражданское общество вытесняется децентрализованным мировым сообществом, наступает

эпоха постгражданского общества. Возникает проблема жизнеспособности конституционного устройства и соответствующего статуса гражданина, так как под напором глобальных процессов, включая усиление миграции, размываются институты и формы реализации прав граждан. Процесс обособления политики от других сфер общества, монополизация и приватизация политического пространства слоем профессионалов, ориентирующихся на властные интересы элиты, приводят к нарастанию отчуждения политической власти от рядовых граждан, подрывают основы представительной демократии.

Глобализация не исчерпывается трансформацией институциональной сферы, существенным образом она изменяет основы прежних форм политической культуры и ментальности массового индивида. Нарастание идеологического и ценностного конфликта между сознанием денационализированных элит и национальным самосознанием граждан конкретных государств – другая сторона институциональной угрозы для системы представительной демократии. На наших глазах в мировом масштабе происходит превращение гражданина в глобального потребителя, теряющего политическую автономию. Результатом новых форм и технологий контроля над индивидом со стороны элит становится «конструируемый» индивид как пассивный участник политической жизни, замкнувшийся в частной сфере. Усиливающаяся взаимозависимость мира приводит к сложному переплетению глобальных и локальных событий, процессов, тенденций. Это создает наложение глобального и специфического контекстов в отношении интересующей нас проблемы. Так, например, на определение базовой совокупности граждан, составляющей основу российского государства, на национальный институт гражданства и реальное содержательное наполнение политико-правового статуса российского гражданина влияют не только внутригосударственная ситуация и отношения России с независимыми государствами, образовавшимися после распада СССР, но и международные экономические, технологические, информационные, культурные и политические процессы.

Эта книга посвящена рассмотрению комплекса социокультурных оснований и факторов становления западноевропейского гражданина. Однако сама постановка данной проблемы вызвана и поддерживается российским контекстом, особенностями массовой

Фан И.Б. От героя до статиста

ментальности и теоретического дискурса, потребностями культурной и национальной самоидентификации, оценки состояния общества, политического режима, реального статуса личности в российском государстве. Интегрирующим, смыслообразующим для целого комплекса проблем является вопрос о возможности становления либеральной демократии и гражданина в России. В отечественном общественном мнении последних лет крепнет ощущение истощенности либерального вектора развития политических процессов, вытеснения горизонтальных отношений вертикальными, ощущение катастрофического ослабления доверия людей друг к другу и доверия общества к власти. За нагромождением противоречивых тенденций и колебаний общественного сознания возникает впечатление преобладающего настроения общественной апатии. Многие свидетельствуют о низком интересе массового индивида к политике, о принятии рядовым гражданином амплуа статиста и даже пассивного зрителя в не им разыгрываемом политическом спектакле. Социологи констатируют симптомы разочарованности и апатии, присущие россиянам: низкий уровень готовности участия в политике, ограничивающийся «ворчанием на властвующих»; взаимное невыполнение обязательств – государства перед гражданами и граждан перед государством; слабую озабоченность населения, за исключением отдельных групп молодежи, уровнем реализации политических прав; «лукавую взаимозависимость» между отсутствием контроля общества над властью и власти над обществом и устойчивой установкой на обман, присущий обеим сторонам, взаимное «сваливание» ответственности¹. В сочетании с такими чертами нынешней ситуации, как отсутствие действующих институтов либеральной демократии при наличии деклараций об их существовании, персонализация власти в чиновниках, а не в институтах, бюрократизация и коррумпированность государственных структур и другими, эти симптомы не складываются в картину наличия условий для устойчивого становления российского гражданина. Показателем переключения общественных настроений за последние два-три года является определенная специализация СМИ по проблемам гражданского общества, защиты прав граждан, обществен-

¹ *Левада Ю.* Граждане и власть в современной России // Из доклада на IX Международной научно-практической конференции «Власть и властные отношения в современном мире». (30-31 марта 2006). Екатеринбург.

ного контроля над властью, уменьшение количества соответствующих публикаций в неофициальных средствах массовой информации и устойчивое внимание к ней в официальных изданиях и телевизионных каналах. Прослеживается и определенная связь между политической апатией населения и информационной политикой государства. За всем этим виден целенаправленный курс на монополизацию вертикаль власти всех проявлений субъектности (самоорганизации, самоуправления и т.п.). Это означает, что субъектности лишаются общество и отдельный гражданин. Официальная риторика о курсе на демократию, о необходимости развития гражданского общества и защиты прав граждан имитирует движение власти к этим целям, скрывая реальные мотивы и действия. При всей разнице политических условий на Западе и в России очевидно, что в локальной отечественной ситуации значительную роль играют и глобальные факторы. Снижение политической активности граждан – характерный пример определенного сходства политических процессов во многих регионах мира.

Теоретическая ситуация с исследованием проблемы становления гражданина представляется не адекватной практическим потребностям ее решения. Сложность этой ситуации в общественном сознании связана с противоречием между назревшей необходимостью перехода от классической к новой парадигме и отсутствием достаточных для этого теоретических предпосылок. В научной литературе последних лет заметны сдвиги от оптимистического заимствования западных концепций модернизации к скептицизму в отношении реального становления гражданского общества и правового государства в России и стремлению к практически ориентированным исследованиям российской политической реальности. Критика возможности автоматического перенесения классических определений гражданского общества на российскую почву звучит с самого начала возрождения данной проблематики в 90-х гг. XX в. и усиливается в настоящее время. Набирает силу тенденция поиска адекватных посткоммунистической реальности средств познания. В этом русле появляются работы, содержащие разные попытки описания реальности с помощью как соответствующих, так и альтернативных классической парадигме понятий – «дефектной» демократии, «неформальных» институтов, «негражданского общест-

ва», «негражданственности»¹. Другие авторы обращают внимание на характер отношений между государством и гражданином в России, не соответствующий либеральной модели гражданства². Высказываются сомнения в наличии гражданского общества в настоящее время на Западе³, в современности самого понятия «гражданское общество»⁴. Встречается и прямое отрицание существования такового в России⁵. Нарастает и осознание невозможности исследования современной российской реальности посредством классической парадигмы в социальной науке.

Некоторые авторы акцентируют внимание на особой роли изменений в социокультурной сфере посткоммунистических обществ. Это обусловлено тем, что объектами изучения политологии преимущественно выступали «внутрисистемные образования» – принципы государственного устройства, организации экономических структур общества, политико-правовых институтов, а не социокультурные реальности, не общество как таковое. По мнению авторов, позиция которых близка нашим взглядам, в постсоветских обществах «обнаруживается значительный разрыв между социокультурным миром, фактическим состоянием социальной интеграции (социальные нормы и ценности, менталитет, образ мышления граждан, отношение их к жизненным реалиям, стандарты поведе-

¹ Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I) // Полис, 2002. № 1; Старцев Я.Ю. Атаки власти и оборона социума: два подхода к гражданской позиции // Политическая наука и государственная власть в РФ и Новых Независимых Государствах. Екатеринбург, 2004; Гончаров Д.В. По ту сторону «негражданственности» // Полис, 2002. № 5 и др.

² См., напр.: Бляхер Л.Е. Моральная экономика и моральная политика // Социс, 2001. № 1.

³ См. напр.: Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. М., 1999.

⁴ Максименко В. Идеологема civil society и гражданская культура // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 1.

⁵ Хорос В. Гражданское общество как оно формируется (и сформировалось ли) в постсоветской России // МЭиМО, 1997. № 5; Борисов Л.П. Политология. М., 1996; Теория государства и права. Учебник для юрид. вузов / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М., 1997; Сысуев О. На месте гражданского общества зияет большая дыра // Известия, 2001. 20 апр.; и др.

ния и социализации, нравственно-практический и коммуникативный опыт) и официально декларируемыми общими целями-нарративами («демократия», «правовое государство», «гражданское общество» и т.п.)»¹. Украинский и российский типы посткоммунизма предстают не в качестве форм перехода к демократии, а в качестве результата инерции коммунистической истории. Изменения касаются по большей части элиты, но не «общественного тела». Реальное состояние посткоммунистических обществ – это, скорее, «негражданское общество», а наиболее распространенной разновидностью посткоммунизма является посткоммунистический неототалитаризм. Здесь важны не внешние признаки и атрибуты, а сущностная многосторонняя зависимость индивида от власти, гражданина – от государства. Посткоммунистический неототалитаризм есть явление «культурной традиции коммунизма», носителем, субъектом которой является само общество, которое продуцирует социальные, социокультурные и политические условия собственного изменения, но осуществляет это в рамках, устанавливаемых олигархией².

Те или иные суждения относительно наличия или отсутствия гражданина и гражданского общества в посткоммунистических странах будут выглядеть абсолютно произвольными до тех пор, пока хотя бы в общих чертах не выяснен способ соотношения универсального и локального в феномене гражданина. Столь же необходимо предварительно определить комплекс исторических условий и факторов, которые способствовали возникновению и развитию этого цивилизационного типа. В этой связи важно разобраться в имеющихся стратегиях рассмотрения проблемы становления гражданина и выработать теоретико-методологические основы ее исследования, учитывающие многоаспектность проблемы.

Структура монографии отражает последовательность решаемых автором задач исследования. В первой части представлен анализ имеющихся теоретико-методологических возможностей исследования феномена гражданина. В рамках господствующего в отечественной литературе институционального подхода происходит

¹ Полохало В. Политология посткоммунизма в Украине и России (К методологии политического анализа) // Полис, 1998. № 3. С. 11.

² Там же. С. 14.

Фан И.Б. От героя до статиста

абсолютизация институциональной сферы гражданского общества и недооценка социокультурных аспектов его возникновения и развития. Следствием этого является отрыв институтов, устойчивых отношений и способов деятельности от граждан. В результате гражданин рассматривается в качестве функции институтов гражданского общества и правового государства, а институты лишаются субъекта социального действия. Возможности более гибкого и объемного решения проблемы становления гражданина связаны с совокупностью подходов, способных привести к новой стратегии исследования – парадигме социокультурного анализа. Эта парадигма предполагает синтез нормативно-институционального и социокультурного типов рассмотрения проблемы, основанной на сбалансированном решении вышеназванных оппозиций. С этих позиций гражданин и гражданское общество – две взаимно обусловленные и взаимопорождающие стороны социального, нерасторжимо связанные часть и целое. То и другое складывается в результате взаимодействия социального и культурного, устойчивого и изменчивого, универсального и локального.

Универсальные характеристики феномена гражданина мы описываем с помощью инвариантной функциональной модели гражданина, представляющей собой конструкцию, включающую три измерения феномена, каждое из которых содержит целый блок параметров. Институциональное измерение модели задается комплексом социальных условий бытия индивида, включающих его экономический, социальный, правовой и политический статусы. Ментальное измерение – это комплекс религиозных, моральных, правовых, политических нормативно-ценностных форм культуры: образцов поведения, идеалов, ценностных представлений, составляющих совокупность предписаний, ожиданий, норм, оценок, санкций, то есть этос гражданина. Источником и результатом динамического взаимодействия институционального и ментального измерений является личность – третье измерение модели гражданина. Гражданин и личность – два аспекта индивида: первый связан со статичной, структурной функцией индивида по отношению к социальной реальности; второй – с динамичной, культуросозидающей его ролью, с обновлением социальных отношений. Гражданин есть политико-правовая ипостась личности, а личность реализуется в роли гражданина лишь в части своих от-

ношений и свойств, более тесно связанных с публичной жизнью. Эти три измерения позволяют представить и общие (статичные, структурные, синхронные) и специфические (динамичные, содержательные) ментальные характеристики теоретической модели гражданина: личностное начало служит источником изменчивости статичных характеристик модели.

Такая модель, на наш взгляд, позволяет дать общее решение трех оппозиций, составляющих структуру проблемы гражданина, признать наличие универсальных характеристик в каждой специфической форме гражданина, в том числе в российской. Но структурно фиксируемые универсальные характеристики гражданина предполагают конкретно-историческое и культурно детерминированное содержательное наполнение модели. Таким образом, оказывается, что вне специфической формы существование универсальных признаков гражданина невозможно. Рассмотрению античной, раннесредневековой, позднесредневековой и нововременной исторических форм западноевропейского гражданина в качестве особенных, специфических форм, генетически связанных друг с другом, посвящена вторая часть монографии. Западноевропейский цивилизационный тип гражданина предстает в этом смысле как сочетающий универсальные и специфические черты. Наше решение проблемы гражданина базируется не на европоцентристской (универсалистской) версии философии истории, на которой основываются теории модернизации, а на локальной философии истории, признающей сочетание универсальности и уникальности в генезисе социальных форм, и учитывающей значительное и многостороннее воздействие европейской цивилизации на историю других цивилизаций.

* * *

Данное исследование выполнено в Институте философии и права УрО РАН.

Автор выражает глубокую признательность прежде всего В.В. Скоробогачкову, доктору философских наук, профессору, первому проректору Уральской академии государственной службы, являющемуся не просто научным консультантом работы, но Учителем, оказавшим значительное влияние на формирование концептуальной основы исследования. Автор благодарит также

Фан И.Б. От героя до статиста

О.Ф. Русакову, профессора, доктора политических наук, за деятельное участие, заботу и организацию обсуждения книги в отделе философии, который она возглавляет. Особая благодарность рецензентам исследования. Беседы с С.Е. Вершининым, доктором философских наук, профессором, способствовали рождению некоторых исходных гипотез, а его критические замечания помогли в совершенствовании стиля и окончательной доработке книги. Искренняя благодарность автора Л.Г. Фшману, кандидату политических наук за благожелательную критику и комментарии и В.С. Мартьянову, кандидату политических наук, ученому секретарю института, за внимательное чтение и одобрительный отзыв.

Автор выражает благодарность руководству Института философии и права УрО РАН – директору института В.Н. Руденко, доктору юридических наук, и заместителю директора по научным вопросам К.В. Киселеву, кандидату философских наук, за организационную и финансовую поддержку издания монографии, а также коллективу института за создание атмосферы творческого профессионализма и доброго юмора.